

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ВАЛЬТЕР
СКОТТ

Айвенго

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Ф-Т. ЛИКСА, АД. МАРИ,
Э. РИУ, А. СКОТТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5
С44

Перевод с английского
Е. Бекетовой

Рисунок на переплете
С. А. Григорьев

Скотт Вальтер

С44 Айвенго / Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 478 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2592-1

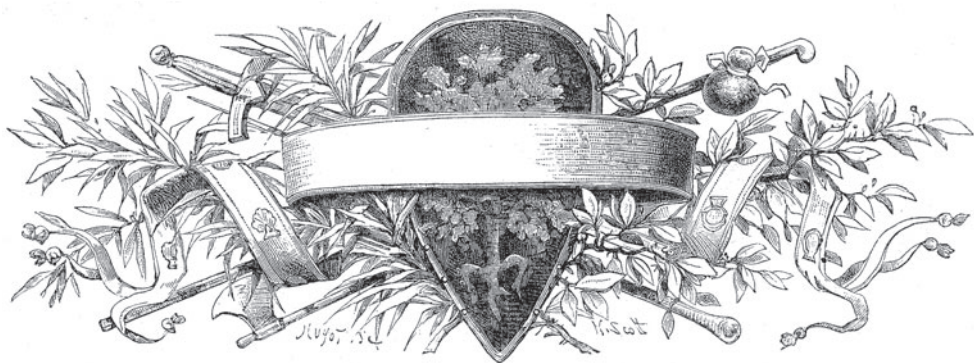
Герой романа, молодой рыцарь Уилфред Айвенго, копьем и мечом защищает свою честь и права, свою возлюбленную, леди Ровену, руки которой всеми средствами помогает жестокий и суровый крестоносец Бриан де Буагильбер. В судьбе юноши горячее участие принимают тайно возвратившийся в Англию король Ричард Львиное Сердце, которого коварные враги пытаются лишить трона, и легендарный разбойник, защитник угнетенных Робин Гуд.

В настоящем издании полностью публикуется цикл из 156 иллюстраций, которые выполнили известные художники — Ф.-Т. Ликс, Ад. Мари, Э. Риу и А. Скотт для парижского издания 1880 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.)6-5

ISBN 978-5-9922-2592-1

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ГЛАВА I

Они беседовали той порой,
Когда стада с полей брели домой,
Когда, наевшись, но не присмирив,
Шли свиньи с визгом нехотя в свой хлев.

«Одиссея»

той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Дон, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уорнклиф-парк и близ Ротерхема. По преданию, здесь некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь происходили ожесточенные битвы во время междоусобных войн Белой и Алой Розы; и здесь же в старину собирались ватаги тех отважных разбойников, подвиги и деяния которых прославлены в народных песнях.

Таково главное место действия нашей повести, по времени же — описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I, когда возвращение короля из долгого плена казалось желанным, но уже невозможным, событием отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати. Феодалы, получившие непомерную власть в царствование Стефана, но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II, теперь снова бесчинствовали, как в прежние времена; пренебрегая слабыми попытками английского государственного совета ограничить их произвол, они укрепляли свои замки, увеличивали

число вассалов, принуждали к повиновению и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать и возглавить такое войско, которое дало бы ему возможность стать влиятельным лицом в приближающихся государственных потрясениях.

Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, франклинов, которые, согласно букве и духу английских законов, должны были бы сохранять свою независимость от тирании крупных феодалов. Франклины могли обеспечить себе на некоторое время спокойное существование, если они, как это большей частью и случалось, прибегали к покровительству одного из влиятельных вельмож их округа, или входили в его свиту, или же обязывались по соглашениям о взаимной помощи и защите поддерживать феодала в его военных предприятиях, но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого истого англичанина, и подвергались опасности оказаться вовлеченными в любую опрометчивую затею их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, всегда находили предлог для того, чтобы травить, преследовать и довести до полного разорения любого из своих менее сильных соседей, который попытался бы не признать их власти и жить самостоятельно, думая, что его безопасность обеспечена лояльностью и строгим подчинением законам страны.

Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавидящие друг друга народности, из которых одна все еще упивалась победой, а другая страдала от последствий своего поражения. После битвы при Гастингсе власть полностью перешла в руки норманнских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая испытывала врожденную ненависть к завоевателям. Все монархи норманнского происхождения оказывали явное предпочтение своим соплеменникам; охотничьи законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном саксонском уложении, легли на плечи побежденных, еще увеличивая тяжесть и без того непосильного феодального гнета.

При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-норманно-

французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и поработанным народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором, они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в себе счастливое смешение языка победителей с наречием побежденных и с тех пор столь обогатившийся заимствованиями из классических и так называемых южноевропейских языков.

Я счел необходимым сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что, хотя история англосаксонского народа после царствования Вильгельма II не отмечена никакими значительными событиями вроде войн или мятежей, все же раны, нанесенные завоеванием, не заживали вплоть до царствования Эдуарда III. Велики национальные различия между англосаксами и их победителями; воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побежденных саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травой просек леса, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни развесистых, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, быть может, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирали свои узловатые руки над мягким ковром великолепного зеленого дерна. Местами к дубам примешивались бук, остролист и подлесок из разнообразных кустарников, разросшихся так густо, что они не пропускали низких лучей заходящего солнца; местами же деревья расступались, образуя длинные, убегающие вдаль аллеи, в глубине которых теряется восхищенный взгляд, а воображение создает еще более дикие картины векового леса. Пурпурные лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, то отбрасывали рассеянный и дрожащий свет на поломанные сучья и мшистые стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложились на дерн. Большая поляна посреди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды совершали свои обряды. Здесь возвышался холм такой правильной формы, что казался насыпанным человеческими руками; на вершине сохранился неполный круг из огромных необработанных камней. Семь из них стояли, остальные были свалены руками какого-нибудь усердного приверженца христианства и лежали частью поблизости

от прежнего места, частью — по склону холма. Только один огромный камень скатился до самого низа холма, преградив течение небольшого ручья, пробивавшегося у подножия холма, — он заставлял чуть слышно рокотать его мирные и тихие струи.

Два человека оживляли эту картину; они принадлежали, судя по их одежде и внешности, к числу простолюдинов, населявших в те далекие времена лесной район западного Йоркшира. Старший из них был человек угрюмый и на вид свирепый. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, сшитой из дубленой шкуры какого-то зверя, мехом вверх; от времени мех так вытерся, что по немногим оставшимся клочкам невозможно было определить, какому животному он принадлежал. Это первобытное одеяние покрывало своего хозяина от шеи до колен и заменяло ему все части обычной одежды. Ворот был так широк, что куртка надевалась через голову, как наши рубашки или старинная кольчуга. Чтобы куртка плотнее прилегала к телу, ее перетягивал широкий кожаный пояс с медной застежкой. К поясу была привешена с одной стороны сумка, с другой — бараний рог с дудочкой. За поясом торчал длинный широкий нож с роговой рукояткой; такие ножи выделялись тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шеффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, похожие на сандалии, с ремнями из медвежьей кожи, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнаженными, как принято у шотландцев. Голова его не была ничем защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принявших темно-рыжий, ржавый оттенок и резко отличавшихся от светло-русой, скорей даже янтарного цвета, большой бороды. Нам остается только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так примечательна, что нельзя оставить ее без внимания: это было медное кольцо вроде собачьего ошейника, наглухо запаянное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было возможно, только распилив пополам. На этом своеобразном воротнике было начертано по-саксонски:

«Гурт, сын Беовульфа, прирожденный раб Седрика Ротервудского».

Возле свинопаса (ибо таково было занятие Гурта) на одном из поваленных камней друидов сидел человек, который выглядел лет на десять моложе первого. Наряд его напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был сшит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в ярко-пурпурный цвет, а на ней намалеваны какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-желтой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или совсем завернуться в него, и тогда он падал причудливыми складками, драпируя его фигуру. На руках у этого человека были се-

ребряные браслеты, а на шее — серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ремennую плетенку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая желтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим

соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. Твердый кожаный околыш этой шапки был вырезан по верхнему краю зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с короной пэра; изнутри к околышу был пришит длинный мешок, кончик которого свешивался на одно плечо, подобно старомодному ночному колпаку, треугольному ситу или головному убору современного гусара. По шапке с колокольчиками, да и самой форме ее, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы как-нибудь скоротать время, по необходимости проводимое в четырех стенах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым опасно давать в руки колющее или режущее оружие. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие той, которой арлекин на современной сцене производит свои фокусы.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежда. Лицо раба или крепостного было угрюмо и печально; судя по его унылому виду, можно было подумать, что мрачность делает его ко всему равнодушным, но огонь, иногда загоравшийся в его глазах, говорил о таившемся в нем сознании своей угнетенности и о стремлении к сопротивлению. Наружность Вамбы, напротив, обличала присущее людям этого рода рассеянное любопытство, крайнюю непоседливость и подвижность, а также полное довольство своим положением и своей внешностью. Они вели беседу на англосаксонском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору изъяснялись в Англии все низшие сословия, за исключением норманнских воинов и ближайшей свиты феодальных владык. Однако приводить их разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, незнакомого с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в дословном переводе.

— Святой Витольд, прокляни ты этих чертовых свиней! — проворчал свинопас после тщетных попыток собрать разбежавшееся стадо пронзительными звуками рога.

Свиньи отвечали на его призыв не менее мелодичным хрюканьем, однако нисколько не спешили расстаться с роскошным угощением из буковых орехов и желудей или покинуть топкие берега ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, лежала врастяжку, не обращая внимания на окрики своего пастуха.

— Разрази их, святой Витольд! Будь я проклят, если к ночи двуногий волк не задерет двух-трех свиней... Сюда, Фангс! Эй, Фангс! — закричал

он во весь голос мохнатой собаке, не то догу, не то борзой, не то помеси борзой с шотландской овчаркой. Собака, прихрамывая, бегала кругом и, казалось, хотела помочь своему хозяину собрать непокорное стадо.

Но то ли не понимая знаков, подаваемых свинопасом, то ли забыв о своих обязанностях, то ли по злему умыслу, пес разгонял свиней в разные стороны, тем самым увеличивая беду, которую он как будто намеревался исправить.

— А, чтоб тебе черт вышиб зубы! — ворчал Гурт. — Провалиться бы этому лесничему. Стрижет когти нашим собакам, а после они никуда не годятся. Будь другом, Вамба, помоги. Зайди с той стороны холма и пугни их оттуда. За ветром они сами пойдут домой, как ягнята.

— Послушай, — сказал Вамба, не трогаясь с места. — Я уже успел посоветоваться по этому поводу со своими ногами: они решили, что таскать мой красивый наряд по трясине было бы с их стороны враждебным актом против моей царственной особы и королевского одеяния. А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: покличь-ка Фангса, а стадо предоставь его судьбе. Не все ли равно, повстречаются твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

— Ну как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? — спросил Вамба.

— Свиньи, дурак, свиньи, — отвечал пастух. — Это всякому дураку известно.

— Правильно, «суайн» — саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу еще, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и теленок «каф» делается мосье де Во: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но, когда он нужен для наслаждения, — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу; женщин покрасивее — на их ложе; лучшие и храбрейшие из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь мало кто остается, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксов. Дай Бог здоровья нашему хозяину Седрику за то, что он постоял за нас, как подобает мужественному воину; только вот на днях прибудет в нашу сторону Реджинальд Фрон де Беф, тогда и увидим, чего стоят все хлопоты Седрика... Сюда, сюда! — крикнул он вдруг, снова возвышая голос. — Вот так, хорошенько их, Фангс! Молодец, всех собрал в кучу.

— Гурт, — сказал шут, — по всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе ты не стал бы совать голову в мою глотку. Ведь стоит мне на-

мекнуть Реджинальду Фрон де Бефу или Филиппу де Мальвуазену, что ты ругаешь норманнов, вмиг тебя вздернут на одном из этих деревьев. Вот и будешь качаться для острастки всем, кто вздумает поносить знатных господ.

— Пес! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты вызвал меня на такие слова! — воскликнул Гурт.

— Выдать тебя? Нет, — сказал шут, — так поступают умные люди, где уж мне, дураку... Но тише... Кто это к нам едет? — прервал он сам себя, прислушиваясь к конскому топоту, который раздавался уже довольно явно.

— А тебе не все равно, кто там едет? — спросил Гурт, успевший тем временем собрать все свое стадо и гнавший его вдоль одной из сумрачных просек.

— Нет, я должен увидеть этих всадников, — отвечал Вамба. — Может быть, они едут из волшебного царства с поручением от короля Оберона...

— Замолчи! — перебил его свинопас. — Охота тебе говорить об этом, когда тут под боком страшная гроза с громом и молнией. Послушай, какие раскаты. А дождь-то! Я в жизни не видывал летом таких крупных и отвесных капель. Посмотри, ветра нет, а дубы трещат и стонут, как в бурю. Помолчи-ка лучше, да поспешим домой, прежде чем налетит гроза! Ночь будет страшной.

Вамба, по-видимому, постиг всю силу этих доводов и последовал за своим товарищем, который взял длинный посох, лежавший возле него на траве, и пустился в путь. Этот новейший Эвмей торопливо шел к опушке леса, подгоняя с помощью Фангса пронзительно хрюкающее стадо.

ГЛАВА II

Монах был монастырский ревизор.
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких аббатов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пражками бренчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.

Чосер

онский топот все приближался, и, несмотря на увещевания и брань своего спутника, Вамба, которому не терпелось поскорее увидеть всадников, то и дело останавливался под разными предложениями: то рвал с высокого куста незрелые орехи, то заглядывался на проходившую мимо деревенскую девицу, и поэтому всадники довольно скоро настигли их.

Кавалькада состояла из десяти человек; двое, ехавшие впереди, были, по-видимому, важные особы, а остальные — их слуги. Сословие и звание одной из этих особ нетрудно было установить: это было, несомненно, духовное лицо высокого ранга. На нем была одежда монаха-францисканца, сшитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена; плащ с капюшоном из самого лучшего фламандского сукна, ниспадая красивыми широкими складками, облегал его статную, хотя и немного полную, фигуру.

Его лицо так же мало говорило о смирении, как и одежда — о презрении к мирской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестели из-под нависших век тем лукавым эпикурейским огоньком, который изобличает осторожного сластолюбца. Впрочем, профессия и положение приучили его так владеть собой, что при желании он мог придать своему лицу торжественность, хотя от природы оно выражало благодущие и снисходительность. Вопреки монастырскому уставу, равно как и эдиктам пап и церковных соборов, одежда его была роскошна: рукава плаща у этого церковного сановника были подбиты и оторочены дорогим мехом, а мантия застегивалась золотой пряжкой, и вся орденская одежда была столь изысканна и нарядна, как в наши дни платья красавиц квакерской секты: они сохраняют положенные им фасоны и цвета, но выбором материалов и их сочетанием умеют придать своему туалету кокетливость, свойственную светскому тщеславию.

Почтенный прелат ехал верхом на сытом, шедшем иноходью муле, сбруя которого была богато украшена, а уздечка по тогдашней моде увешана серебряными колокольчиками. В посадке прелата не было заметно монашеской неуклюжести — напротив, она отличалась грацией и уверенностью хорошего наездника. Казалось, что, как ни приятна была спокойная иноходь мула, как ни роскошно его убранство, все же щеголеватый монах пользовался таким скромным средством передвижения только для переездов по большой дороге. Один из служителей-мирян, составивших его свиту, вел в поводу превосходного испанского жеребца, на котором монах выезжал в торжественных случаях. В те времена купцы с величайшим для себя риском и бесконечными затруднениями вывозили из Андалузии таких лошадей, бывших в моде у богатых и знатных вельмож. Седло и сбруя на этом великолепном коне были покрыты длинной попоной, спускавшейся почти до самой земли и расшитой изображениями крестов и иных церковных эмблем. Другой служитель вел в поводу выючного мула, нагруженного, вероятно, поклажей настоятеля; двое монахов того же ордена, но низших степеней, ехали позади всех, пересмеиваясь, оживленно разговаривая и не обращая никакого внимания на остальных всадников.

Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Его атлетическая фигура вследствие постоянных упражнений, казалось, состояла из одних костей, мускулов и сухожилий; видно было, что он перенес множество тяжелых испытаний и готов перенести еще столько же. На нем была красная шапка с меховой опушкой из тех, что французы зовут *mortier*¹ за сходство ее формы со ступкой, перевернутой вверх дном. На лице его ясно выража-

---

¹ ступка (франц.).

лось желание вызвать в каждом встречном чувство боязливости и почтения и страха. Очень выразительное, нервное лицо его с крупными и резкими чертами, загоревшее под лучами тропического солнца до негритянской черноты, в спокойные минуты казалось как бы задремавшим после взрыва бурных страстей, но надувшиеся жилы на лбу и подергивание верхней губы показывали, что буря каждую минуту может снова разразиться. Во взгляде его смелых, темных, пронизательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодоленных опасностях. У него был такой вид, точно ему хотелось вызвать сопротивление своим желаниям — только для того, чтобы смести противника с дороги, проявив свою волю и мужество. Глубокий шрам над бровями придавал еще большую суровость его лицу и зловещее выражение одному глазу, который был слегка задет тем же ударом и немного косил.

Этот человек, так же как и его спутник, был одет в длинный монашеский плащ, но красный цвет этого плаща показывал, что всадник не принадлежит ни к одному из четырех главных монашеских орденов. На правом плече был нашит белый суконный крест особой формы. Под плащом виднелась не совместимая с монашеским саном кольчуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные из мягкой шерсти. Насколько позволяли видеть складки плаща, его бедра защищала такая же кольчуга; колени были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры — металлическими кольчужными чулками. За поясом был заткнут большой обоюдоострый кинжал — единственное бывшее при нем оружие.

Ехал он верхом на крепкой дорожной лошади, очевидно для того, чтобы побережь силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вел позади. На коне было полное боевое вооружение; с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой дамасской насечкой, с другой — украшенный перьями шлем хозяина, его колпак из кольчуги и длинный обоюдоострый меч. Другой оруженосец вез, подняв вверх, копьё своего хозяина; на острие копья развевался небольшой флаг с изображением такого же креста, какой был нашит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий сверху, чтобы прикрывать всю грудь, а книзу заостренный. Щит был в чехле из красного сукна, и поэтому нельзя было увидеть начертанный на нем девиз.

Вслед за этими двумя оруженосцами ехали еще двое слуг; темные лица, белые тюрбаны и особый покрой одежды изобличали в них уроженцев Востока. Вообще, в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полуоб-

наженных смуглых руках и ногах. Их одежда из шелка, расшитая узорами, указывала на знатность и богатство их господина и составляла в то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены кривыми саблями с золотой насечкой на рукоятках и ножнах и турецкими кинжалами еще более тонкой работы. У каждого торчал при седле пучок дротиков фута в четыре длиною с острыми стальными наконечниками. Этот род оружия был в большом употреблении у сарацин и поныне еще находит себе применение в военной игре, любимой восточными народами и называемой «эль-джерид». Лошади, на которых ехали слуги, были арабской породы: сухошавые, легкие, с упругим шагом, тонкогривые, они ничем не напоминали тех тяжелых и крупных жеребцов, которых разводили в Нормандии и Фландрии для воинов в полном боевом вооружении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади казались изящной, легкой тенью.

Необычный вид этой кавалькады возбудил любопытство не только Вамбы, но и его менее легкомысленного товарища. В монахе он тотчас

узнал приора аббатства Жорво, известного по всей округе любителя охоты, веселых пирушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, еще менее совместимых с монашескими обетами.

Но в те времена не слишком строго относились к поведению монахов и священников, так что приор Эймер пользовался доброй славой среди соседей своего аббатства. Его веселый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение мелких прегрешений делали его любимцем всех местных дворян, титулованных и нетитулованных, со многими из которых он был в родстве, так как принадлежал к именитой норманнской фамилии. Дамы в особенности были расположены относиться без излишней суровости к поведению человека, который не только являлся неизменным поклонником прекрасного пола, но и отличался умением прогонять смертельную скуку, слишком часто одолевавшую их в старинных покоях феодальных замков. Настоятель с азартом увлекался охотой, у него были лучшие соколы и борзые во всей северной округе, этим видом спорта он завоевал симпатии дворянской молодежи; с людьми почтенного возраста он разыгрывал другую роль, что отлично ему удавалось, когда это было нужно. Его поверхностная начитанность была достаточно велика, чтобы внушить окружающим невеждам почтение к его учености, а важная осанка и возвышенные рассуждения об авторитете церкви и духовенства поддерживали мнение о его святости. Даже простой народ, который всех строже судит поведение высших сословий, относился снисходительно к легкомыслию приора Эймера. Дело в том, что Эймер был очень щедр, а за милосердие, как известно, отпускается множество грехов. Большая часть монастырских доходов находилась в его полном распоряжении. Это давало ему возможность не только много тратить на свои прихоти, но и оказывать щедрую помощь соседним крестьянам. Если и случалось приору Эймеру с излишней пылкостью скакать на охоте или чересчур засиживаться на пиру, если кому-нибудь и приходилось видеть, как на рассвете он пробирается через боковую калитку в стене своего аббатства, возвращаясь домой после свидания, продолжавшегося целую ночь, люди только пожимали плечами и примирялись с такими проступками настоятеля, вспоминая, что точно так же грешили и многие из его собратий, не искупая своих грехов теми качествами, какими отличался этот монах. Словом, приор Эймер был очень хорошо известен и нашим саксам. Они неуклюже поклонились ему и получили его благословение: «*Benedicite, mes filz*»¹.

Но диковинная внешность спутника Эймера и его свиты поразила воображение свинопаса и Вамбы так, что они не слышали вопроса настоятеля, когда он осведомился, не знают ли они, где можно было бы остано-

---

¹ Славьте Господа, дети мои! (*лат.*)

виться на ночлег. Особенно удивила их полумонашеская-полувоенная одежда загорелого иностранца и странный наряд и невиданное вооружение его восточных слуг. Очень вероятно также, что для слуха саксонских крестьян неприятен был язык, на котором было им преподано благословение и задан вопрос, хотя они и понимали, что это значит.

— Я вас спрашиваю, дети мои, — повторил настоятель, возвысив голос и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собою норманны и саксы, — нет ли по соседству доброго человека, который из любви к Богу и усердию к святой нашей матери-церкви оказал бы на нынешнюю ночь гостеприимство и подкрепил бы силы двух смиреннейших ее служителей и их спутников? — Несмотря на внешнюю скромность этих слов, он произнес их с большой важностью.

«Двое смиреннейших служителей матери-церкви! Хотел бы я поглядеть, какие же у нее бывают дворецкие, кравчие и иные старшие слуги», — подумал про себя Вамба, однако же, хотя и слыл дураком, остерегся произнести свою мысль вслух.

Сделав мысленно такое примечание к речи приора, он поднял глаза и ответил:

— Если преподобным отцам угодны сытные трапезы и мягкие постели, то в нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где им по их сану окажут самый почетный прием; если же они предпочитают провести вечер в покаянии, то вон та лесная тропинка доведет их прямехонько до пустынной хижины в урочище Копменхерст, где благочестивый отшельник приютит их под своей крышей и разделит с ними вечерние молитвы.

Но приор отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

— Мой добрый друг, — сказал он, — если бы звон твоих бубенчиков не помутил твоего разума, ты бы знал, что *Clericus clericum non decimat*¹, то есть у нас, духовных лиц, не принято просить гостеприимства друг у друга, и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лишний случай послужить Богу, оказывая помощь его служителям.

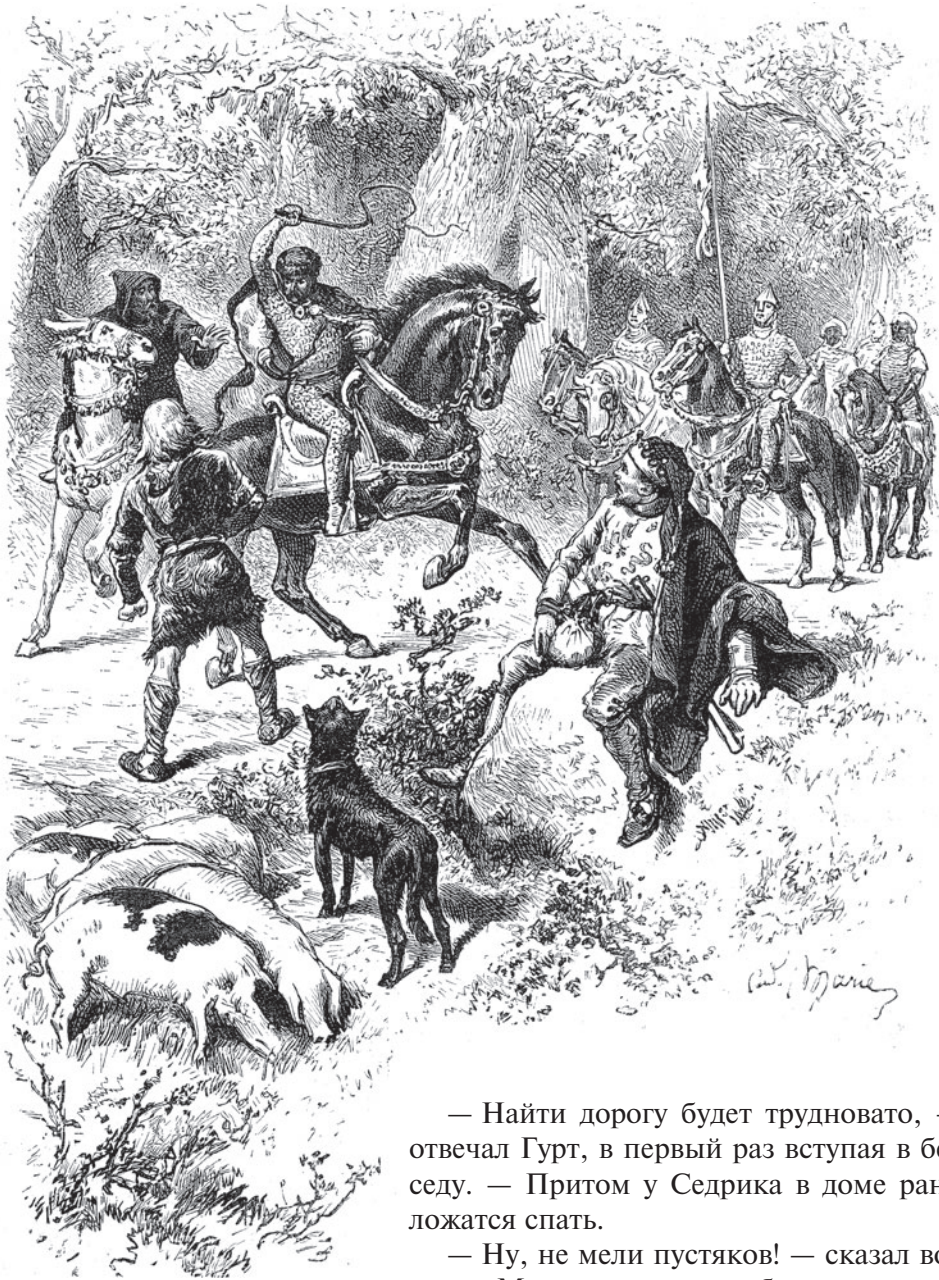
— Я всего лишь осел, — отвечал Вамба, — и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия. Однако мне казалось, что доброта матери-церкви и ее служителей проявляется, как и у всех прочих людей, прежде всего к своей семье.

— Перестань грубить, нахал! — крикнул вооруженный всадник, сурово перебивая болтовню шута. — И укажи нам, если знаешь, дорогу к замку... Как вы называли этого франклина, приор Эймер?

— Седрик, — отвечал приор, — Седрик Сакс... Скажи мне, приятель, далеко ли мы от его жилища и можешь ли ты показать нам дорогу?

---

¹ Священнослужитель не платит десятину священнослужителю (*лат.*).

— Найти дорогу будет трудно, — отвечал Гурт, в первый раз вступая в беседу. — Притом у Седрика в доме рано ложатся спать.

— Ну, не мели пустяков! — сказал воин. — Могут и встать, чтобы принять таких путников, как мы. Нам не пристало унижаться и просить гостеприимства там, где мы вправе его требовать.

— Уж не знаю, — угрюмо сказал Гурт, — хорошо ли я сделаю, если укажу дорогу к дому моего господина таким людям, которые хотят требовать то, что другие рады получить из милости.

— Ты вздумал еще спорить со мной, раб! — воскликнул воин.

С этими словами он пришпорил свою лошадь, заставил ее круто повернуть и поднял хлыст, собираясь наказать дерзкого простолюдина.

Гурт метнул на него злобный и мстительный взгляд и с угрозой, хотя и нерешительно схватился за нож; но в ту же минуту приор Эймер двинул своего мула вперед и, встав между воином и свинопасом, предупредил опасное столкновение.

— Нет, именем Святой Марии прошу вас, брат Бриан, помнить, что вы теперь не в Палестине, где владычествовали над турецкими язычниками и неверными сарацинами; здесь, на нашем острове, мы не любим ударов и принимаем их только от святой церкви, которая карает любя... Скажи мне, добрый человек, — продолжал он, обращаясь к Вамбе и подкрепляя свою речь небольшой серебряной монетой, — как проехать к Седрику Саксу. Ты должен знать туда дорогу и обязан указать ее любому путнику, а тем более духовным лицам вроде нас.

— Право же, честной отец, — отвечал шут, — сарацинская голова вашего преподобного брата до того перепугала мою, что я позабыл дорогу домой... Не знаю даже, попаду ли и сам туда сегодня...

— Вздор! — сказал настоятель, — Коли захочешь, так вспомнишь. Этот преподобный собрат мой всю жизнь сражался с сарацинами за обладание гробом Господним. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма, о которых ты, может быть, слышал: он наполовину монах, наполовину воин.

— Если он хоть наполовину монах, — сказал шут, — то ему не пристало так неразумно обращаться с прохожими, если они замедлят с ответом на вопросы, до которых им нет дела.

— Ну, я прощаю тебя с тем условием, что ты покажешь мне дорогу к дому Седрика, — сказал аббат.

— Ладно, — отвечал Вамба. — Извольте, ваше преподобие, ехать по этой тропинке до того места, где увидите вросший в землю крест; от него едва одна верхушка виднеется, да и то не больше как на локоть вышиной. От этого креста в разные стороны идут четыре дороги. Но вы поверните влево, и надеюсь, что ваше преподобие достигнет ночлега прежде, чем разразится гроза.

Аббат поблагодарил мудрого советчика, и вся кавалькада, пришпорив коней, поскакала с той быстротой, с какой люди спешат достигнуть ночлега, спасаясь от ночной бури. Когда топот копыт замер в отдалении, Гурт сказал своему товарищу:

— Если преподобные отцы последуют твоему умному совету, вряд ли они доедут сегодня до Ротервуда.

— Да, — сказал шут, ухмыляясь, — но зато они могут доехать до Шеффилда, коли им посчастливится, а для них и то хорошо. Не такой уж я

плохой лесничий, чтоб указывать собакам, где залегла дичь, если не хочу, чтобы они ее задрали.

— Это ты хорошо сделал, — сказал Гурт. — Плохо будет, если Эймер увидит леди Ровену, а еще хуже, пожалуй, если Седрик поссорится с этим монахом, что легко может случиться. А мы с тобой — добрые слуги: будем только смотреть да слушать и помалкивать.

Возвратимся к обоим всадникам, которые вскоре оставили рабов Седрика далеко позади и вели беседу на норманно-французском языке, как и все тогдашние особы высшего сословия, за исключением тех немногих, которые еще гордились своим саксонским происхождением.

— Чего хотели эти наглецы, — спросил рыцарь Храма у аббата, — и почему вы не позволили мне наказать их?

— Но, брат Бриан, — отвечал приор, — один из них совсем дурак, и странно было бы требовать у него ответа за его глупости; что же касается другого грубияна, то он из породы тех неукротимых свирепых дикарей, которые, как я вам не раз говорил, все еще встречаются среди потомков покоренных саксов: для них нет большего удовольствия, чем показывать при каждом удобном случае свою ненависть к победителям.

— Ну, вежливость я бы живо в них вколотил! — ответил храмовник. — С подобными людьми я умею обращаться. Наши турецкие пленные в своей неукротимой ярости кажутся страшнее самого Одина; однако, пробыв два месяца у меня в доме под руководством моего смотрителя за невольниками, они становились смиренными, послушными, услужливыми и даже раболепными. Правда, сэръ, с ними приходится постоянно остерегаться яда и кинжала, потому что они при каждом удобном случае охотно пускают в ход и то и другое.

— Но ведь у всякого народа свои обычаи и нравы, — возразил приор Эймер. — Прибей вы этого малого, мы так и не узнали бы дороги к дому Седрика; кроме того, если бы нам самим и удалось добраться туда, то Седрик непременно затеял бы с вами ссору из-за побоев, нанесенных его рабам. Помните, что я вам говорил: этот богатый франклин горд, вспыльчив, ревнив и раздражителен, он настроен против нашего дворянства и в ссоре даже со своими соседями — Реджинальдом Фрон де Бефом и Филиппом Мальвуазеном, которые шутить не любят. Он так крепко держится за права своего рода и так гордится тем, что происходит по прямой линии от Херварда, одного из знаменитых поборников семицарствия, что его не называют иначе как Седрик Сакс. Он похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются, чтобы избегнуть — *vae victis*¹ — бедствий, выпадающих на долю побежденного.

---

¹ Горе побежденному (*лат.*).

— Приор Эймер, — сказал храмовник, — вы большой любезник, знаток женской красоты и не хуже трубадуров знакомы со всем, что касается уставов любви; но эта хваленая Ровена должна быть поистине чудом красоты, чтобы вознаградить меня за снисходительность и терпение, которые мне придется проявить, чтобы снискать расположение такого мужа и мятежника, каков, по вашим словам, ее отец Седрик.

— Седрик ей не отец, а только дальний родственник, — сказал аббат. — Она происходит из более знатного рода, чем он. Он сам напросился ей в опекуны и привязан к ней так, что и собственная дочь не была бы ему дороже. О красоте ее вы в скором времени сможете судить сами. И пусть я буду еретиком, а не истинным сыном церкви, если белизна ее лица и величественное и вместе кроткое выражение голубых глаз не изгонят из вашей памяти черноволосых дев Палестины или гурий мусульманского рая.

— Ну а если ваша прославленная красавица, — сказал храмовник, — окажется не так хороша, вы помните ваш заклад?

— Моя золотая цепь, — отвечал аббат, — а ваш заклад — десять бочек хиосского вина. Я могу считать их своими, словно они уже стоят в монастырском подвале под ключом у старого Дениса, моего келаря.

— Но вы предоставляете мне самому решение спора, — сказал рыцарь Храма, — и я проиграю только в том случае, если сознаюсь, что с Троицына дня прошедшего года не видывал такой красивой девицы. Так ведь мы с вами уговорились? Ну, приор, прощайтесь со своей золотой цепью. Я надену ее поверх своего нагрудника на ристалище в Ашби де ла Зуш.

— Если выиграте честно, то и носите, когда вам заблагорассудится, — сказал приор. — Я поверю вам на слово, как рыцарю и церковнику. А все-таки, брат, примите мой совет и будьте повежливей: ведь вам придется иметь дело не с пленными язычниками или восточными рабами. Седрик Сакс такой человек, что если сочтет себя оскорбленным — а он очень чувствителен к оскорблениям, — то не обратит внимания на ваше рыцарство, и мое высокое положение, и на наш священный сан и выгонит нас ночевать под открытое небо, хотя бы на дворе стояла полночь. И, кроме того, остерегайтесь слишком пристально смотреть на Ровену: он охраняет ее чрезвычайно ревниво. Если мы дадим ему малейший повод к опасениям с этой стороны, мы с вами пропали. Говорят, что он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюбленные глаза на эту красавицу. По-видимому, ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю Пресвятой Девы.

— Ну, так и быть, — отвечал храмовник, — постараюсь сдержаться и вести себя как скромная девица. Во всяком случае, не опасайтесь, что кто-нибудь посмеет выгнать нас из дому. Мы с моими оруженосцами и

слугами, Аметом и Абдаллой, достаточно сильны, чтобы добиться хорошего приема.

— Ну, так далеко нам нельзя заходить... — отвечал приор. — Но вот и вросший в землю крест, о котором говорил нам шут. Однако ночь такая темная, что трудно различить дорогу. Он, кажется, сказал, что нужно повернуть влево.

— Нет, вправо, — сказал Бриан, — мне помнится, что вправо.

— Налево, конечно, налево. Я помню, что он именно налево указывал концом своей деревянной шпаги.

— Да, но шпагу-то он держал в левой руке и указывал поперек своего тела в противоположную сторону, — сказал храмовник.

Как это всегда бывает, каждый упрямо защищал свое мнение; спросили слуг, но свита все время держалась поодаль и потому не слыхала того, что говорил Вамба. Наконец Бриан, взглядывавшийся в темноту, заметил у подножия креста какую-то фигуру и сказал:

— Тут кто-то лежит: либо спящий, либо мертвый. Гуго, потрогай-ка его концом твоего копья.

Оруженосец не успел дотронуться до лежавшего, как тот вскочил, воскликнув на чистом французском языке:

— Кто бы ты ни был, но невежливо так прерывать мои размышления!

— Мы только хотели спросить тебя, — сказал приор, — как проехать в Ротервуд, к жилищу Седрика Сакса.

— Я сам иду в Ротервуд, — сказал незнакомец. — Будь у меня верховая лошадь, я бы проводил вас туда. Дорогу, хотя она и очень запутанна, я знаю отлично.

— Мой друг, мы тебя поблагодарим и вознаградим, — сказал приор, — если ты проведешь нас к Седрику.

Аббат приказал одному из служителей уступить свою лошадь незнакомцу, а самому пересесть на его испанского жеребца.

Проводник направился в сторону, как раз противоположную той, которую указал Вамба. Тропинка скоро углубилась в самую чащу леса, пересекая несколько ручьев с топкими берегами; переправляться через них было довольно рискованно, но незнакомец, казалось, чутьем выбирал самые сухие и безопасные места для переправы. Осторожно продвигаясь вперед, он вывел наконец отряд на широкую просеку, в конце которой виднелось огромное неуклюжее строение.

Указав на него рукою, проводник сказал аббату:

— Вот Ротервуд, жилище Седрика Сакса.

Это известие особенно обрадовало Эймера, который обладал не очень крепкими нервами и во время переезда по топким низинам испытывал такой страх, что не имел ни малейшего желания разговаривать со своим проводником. Зато теперь, чувствуя себя в безопасности и недалеко от

пристанища, он мигом оправился; любопытство его тотчас пробудилось, и приор спросил проводника, кто он такой и откуда.

— Я пилигрим и только что вернулся из Святой земли, — отвечал тот.

— Лучше бы вы там и оставались воевать за обладание Святым гробом, — сказал рыцарь Храма.

— Вы правы, достопочтенный господин рыцарь, — ответил пилигрим, которому наружность храмовника была, по-видимому, хорошо знакома. — Но что же удивляться, если простой поселянин вроде меня вернулся домой; ведь даже те, кто клялся посвятить всю жизнь освобождению Святого города, теперь путешествуют вдаль от тех мест, где они должны были бы сражаться согласно своему обету.

Храмовник уже собрался дать гневный ответ на эти слова, но аббат вмешался в разговор, выразив удивление, как это проводник, давно покинувший эти места, до сих пор еще так хорошо помнит все лесные тропинки.

— Я здешний уроженец, — отвечал проводник.

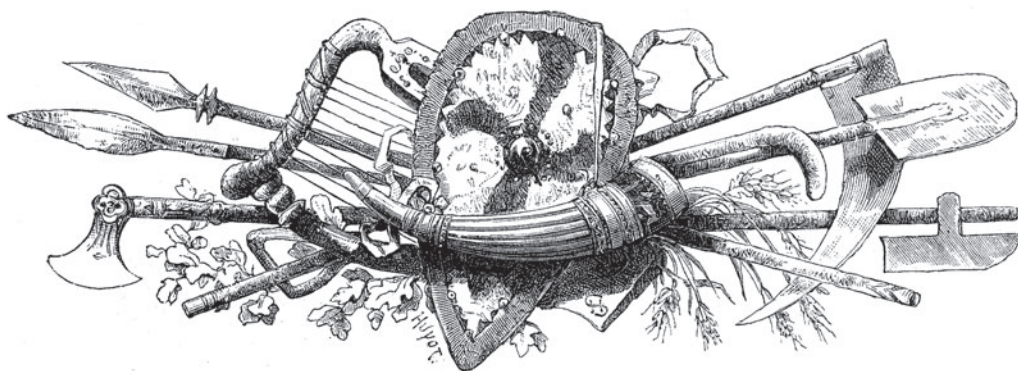
И в ту же минуту они очутились перед жилищем Седрика. Это было огромное, неуклюжее здание с несколькими внутренними дворами и огородами. Его размеры указывали на богатство хозяина, однако оно резко отличалось от высоких, обнесенных каменными стенами и защищенных

зубчатыми башнями замков, где жили норманнские дворяне; впоследствии эти дворянские жилища стали типичным архитектурным стилем во всей Англии.

Впрочем, и в Ротервуде имелась защита. В те смутные времена ни одно поместье не могло обойтись без укреплений, иначе оно немедленно было бы разграблено и сожжено. Вокруг всей усадьбы шел глубокий ров, наполненный водой из соседней речки. По обеим сторонам этого рва проходил двойной частокол из заостренных бревен, которые доставлялись из соседних лесов. С западной стороны в наружной ограде были сделаны ворота; подъемный мост вел от них к воротам внутренней ограды. Особые выступы по бокам ворот давали возможность обстреливать противника перекрестным огнем из луков и пращей.

Остановившись перед воротами, храмовник громко и нетерпеливо за трубил в рог. Нужно было торопиться, так как дождь, который так долго собирался, полил в эту минуту как из ведра.

ГЛАВА III

Тогда — о горе! — доблестный Саксонец,
Золотокудрый и голубоглазый,
Пришел из края, где пустынный берег
Внимает реву Северного моря.

Томсон «Свобода»

просторном, но низком зале, на большом дубовом столе, сколоченном из грубых, плохо оструганных досок, приготовлена была вечерняя трапеза Седрика Сакса.

Комнату ничто не отделяло от неба, кроме крыши, крытой тесом и тростником и поддерживаемой крепкими стропилами и перекладинами.

В противоположных концах зала находились огромные очаги; их трубы были устроены так плохо, что большая часть дыма оставалась в помещении. От постоянной копоти бревенчатые стропила и перекладины под крышей были густо покрыты глянцевиной коркой сажи, как черным лаком. По стенам висели различные принадлежности охоты и боевого вооружения, а в углах зала были створчатые двери, которые вели в другие комнаты обширного дома.

Вся обстановка отличалась суровой саксонской простотой, которой гордился Седрик. Пол был сделан из глины с известью, сбитой в плотную массу, какую и поныне нередко можно встретить в наших амбарах. В одном конце зала пол был немного приподнят; на этом месте, называвшемся почетным помостом, могли сидеть только старшие члены семейства и наиболее уважаемые гости. Поперек помоста стоял стол, покры-

тый дорогой красной скатертью; от середины его вдоль нижней части зала тянулся другой, предназначенный для трапез домашней челяди и простолюдинов.

Все столы вместе имели сходство с формой буквы «Т» или с теми старинными обеденными столами, сделанными по тому же принципу, какие и теперь встречаются в старомодных колледжах Оксфорда и Кембриджа. Вокруг главного стола на помосте стояли крепкие стулья и кресла из резного дуба. Над помостом был устроен суконный балдахин, который до некоторой степени защищал сидевших там важных лиц от дождя, пробивавшегося сквозь плохую крышу.

Возле помоста на стенах висели пестрые, с грубым рисунком, драпировки, а пол был устлан таким же ярким ковром. Над длинным нижним столом, как мы уже говорили, совсем не было никакого потолка, не было ни балдахина, ни драпировок на грубо выбеленных стенах, ни ковра на глиняном полу; вместо стульев тянулись массивные скамьи.

У середины верхнего стола стояли два кресла повыше остальных, предназначенные для хозяйки и хозяина, которые присутствовали и возглавляли все трапезы и потому носили почетное звание «Раздаватели хлеба». К каждому из этих кресел была подставлена скамеечка для ног, украшенная резьбой и узором из слоновой кости, что указывало на особое отличие тех, кому они принадлежали.

На одном из этих кресел сидел сейчас Седрик Сакс, нетерпеливо ожидая ужина. Хотя он был по своему званию не более как тан, или, как называли его норманны, франклин, однако всякое опоздание обеда или ужина приводило его в не меньшее раздражение, чем любого олдермена старого или нового времени.

По лицу Седрика было видно, что он человек прямодушный, нетерпеливый и вспыльчивый. Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения на войне или усталость на охоте. Голова его была правильной формы, зубы белые, широкое лицо с большими голубыми глазами дышало смелостью и прямоотой и выражало такое благодушие, которое легко сменяется вспышками внезапного гнева. В его глазах блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек всю жизнь защищал свои права, посягательства на которые непрестанно повторялись, а его скорый, пылкий и решительный нрав всегда держал его в тревоге за свое исключительное положение. Длинные русые волосы Седрика, разделенные ровным пробором, шедшим от темени до лба, падали на плечи; седина едва пробивалась в них, хотя ему шел шестидесятый год.

На нем был кафтан зеленого цвета, отделанный у ворота и обшлагов серым мехом, который ценится ниже горностаия и выделяется, как полагают,

из шкурок серой белки. Кафтан не был застегнут, и под ним виднелась узкая, плотно прилегающая к телу куртка из красного сукна. Штаны из такого же материала доходили лишь до колен, оставляя голени обнаженными. Его обувь была той же формы, что и у его крестьян, но из лучшей кожи и застегивалась спереди золотыми пряжками. На руках он носил золотые браслеты, на шее — широкое ожерелье из того же драгоценного металла, вокруг талии — пояс, богато выложенный драгоценными камнями; к поясу был прикреплен короткий прямой двусторонний меч с сильно заостренным концом. За его креслом висели длинный плащ из красного сукна, отороченный мехом, и шапка с нарядной вышивкой, составлявшие обычный выходной костюм богатого землевладельца. К спинке его кресла была прислонена короткая рогатина с широкой блестящей стальной головкой, служившая ему во время прогулок вместо трости или в качестве оружия.

Несколько слуг, одежды которых были как бы переходными ступенями между роскошным костюмом хозяина и грубой простотой одежды свинопаса Гурта, смотрели в глаза своему властелину и ожидали его приказаний. Из них двое или трое старших стояли на помосте, за креслом Седрика, остальные держались в нижней части зала. Были тут слуги и другой породы: три мохнатые борзые из тех, с которыми охотились в ту пору за волками и оленями; несколько огромных поджарых гончих и две маленькие собачки, которых теперь называют терьерами. Они с нетерпением ожидали ужина, но, угадывая своим особым собачьим чутьем, что хозяин не в духе, не решались нарушить его угрюмое молчание; быть может, они побаивались и белой дубинки, лежавшей возле его прибора и предназначенной для того, чтобы предупреждать назойливость четвероногих слуг. Один только страшный старый волкодав с развязностью избалованного любимца подсел поближе к почетному креслу и время от времени отваживался обратить на себя внимание хозяина, то кладя ему на колени свою большую лохматую голову, то тычась носом в его ладонь. Но даже и его отстраняли суровым окриком: «Прочь, Болдер, прочь! Не до тебя теперь!»

Дело в том, что Седрик, как мы уже заметили, был в дурном настроении. Леди Ровена, ездившая к вечерне в какую-то отдаленную церковь,

только что вернулась домой и замешкалась у себя, меняя платье, промокшее под дождем. О Гурте не было ни слуху ни духу, хотя давно уже следовало пригнать стадо домой. Между тем времена стояли тревожные, и можно было опасаться, что стадо задержалось из-за встречи с разбойниками, которых в окрестных лесах было множество, или нападения какого-нибудь соседнего барона, настолько уверенного в своей силе, чтобы пренебречь чужой собственностью. А так как большая часть богатств саксонских помещиков заключалась именно в многочисленных стадах свиней, особенно в лесистых местностях, где эти животные легко находили корм, то у Седрика были основательные причины для беспокойства.

Вдобавок ко всему этому наш саксонский тан соскучился по любимому шуту Вамбе, который своими шутками приправлял вечернюю трапезу и придавал особый вкус вину и элю. Обычный час ужина Седрика давно миновал, а он ничего не ел с самого полудня, что всегда способно испортить настроение почтенному землевладельцу, как это нередко случается даже и в наше время. Он выражал свое неудовольствие отрывистыми замечаниями, то бормоча их про себя, то обращаясь к слугам, чаще всего к своему кравчему, подносявшему ему для успокоения время от времени серебряный стаканчик с вином.

— Почему леди Ровена так замешкалась?

— Она сейчас придет, только переменит головной убор, — отвечала одна из женщин с той развязностью, с какой любимая служанка госпожи обыкновенно разговаривает в наше время с главою семейства. — Вы же сами не захотите, чтобы она явилась к столу в одном чепце и в юбке, а уж ни одна дама в нашей округе не одевается скорее леди Ровены.

Такой неопровержимый довод как будто удовлетворил Сакса, который в ответ промывчал что-то нечленораздельное и потом заметил:

— Дай бог, чтобы в следующий раз была ясная погода, когда она поедет в церковь Святого Иоанна. Однако, — продолжал он, обращаясь к кравчему и внезапно повышая голос, словно обрадовавшись случаю сорвать свою досаду, не опасаясь возражений, — какого черта Гурт до сих пор торчит в поле? Того и гляди дождемся плохих вестей о нашем стаде. А ведь он всегда был старательным и осмотрительным слугой! Я уже подумывал дать ему лучшую должность — хотел даже назначить его одним из своих телохранителей.

Тут кравчий Освальд скромно осмелился заметить, что сигнал к тушению огней был подан не более часа тому назад. Это заступничество было малоудачным, потому что кравчий коснулся предмета, упоминание о котором было невыносимо для слуха Сакса.

— Дьявол бы побрал этот сигнальный колокол, — воскликнул Седрик, — и того мучителя, который его выдумал, да и безголового раба, ко-

торый смеет говорить о нем по-саксонски саксонским же ушам!.. Сигнальный колокол, — продолжал он, помолчав. — Как же... Сигнальный колокол заставляет порядочных людей гасить у себя огонь, чтобы в темноте воры и разбойники могли легче грабить. Да, сигнальный колокол! Реджинальд Фрон де Беф и Филипп де Мальвуазен знают пользу сигнального колокола не хуже самого Вильгельма Ублюдка и всех прочих норманнских проходимцев, сражавшихся под Гастингсом. Того и гляди услышу, что мое имущество отобрано, чтобы спасти от голодной смерти их разбойничью шайку, которую они могут содержать только грабежами. Мой верный раб убит, мое добро украдено, а Вамба... Где Вамба? Кажется, кто-то говорил, что и он ушел с Гуртом?

Освальд ответил утвердительно.

— Ну вот, час от часу не легче! Стало быть, и саксонского дурака тоже забрали служить норманнскому лорду. Да и правда: все мы дураки, коли соглашаемся им служить и терпеть их насмешки; будь мы от рождения полоумными, и то у них было бы меньше оснований издеваться над нами. Но я отомщу! — воскликнул он, вскакивая с кресла и хватаясь за рогатину при одной мысли о воображаемой обиде. — Я подам жалобу в Главный совет — у меня есть друзья, есть и сторонники. Я вызову норманна на честный бой, как подобает мужчине. Пускай выступит в панцире, в кольчуге, во всех доспехах, придающих трусу отвагу. Мне случалось вот таким же дротиком пробивать ограды втрое толще их боевых щитов. Может, они считают меня стариком, но я им покажу, что, хотя я и одинок, и бездетен, все-таки в жилах Седрика течет кровь Херварда! О Уилфред, Уилфред, — произнес он горестно, — если бы ты мог победить свою безрассудную страсть, твой отец не оставался бы на старости лет как одинокий дуб, простирающий свои поломанные и оголенные ветви навстречу налетающей буре!

Эти мысли, по-видимому, превратили его гнев в тихую печаль. Он отложил в сторону дротик, сел на прежнее место, понурил голову и глубоко задумался. Вдруг его размышления прервал громкий звук рога; в ответ на него все собаки в зале, да еще штук тридцать псов со всей усадьбы, подняли оглушительный лай и визг. Белой дубинке и слугам пришлось немало потрудиться, пока удалось утихомирить псов.

— Эй, слуги, ступайте же к воротам! — сказал Седрик, как только в зале поутихло и можно было слышать его слова. — Узнайте, какие вести принес нам этот рог. Посмотрим, какие бесчинства и хищения учинены в моих владениях.

Минуты через три возвратившийся слуга доложил, что приор Эймер из аббатства Жорво и добрый рыцарь Бриан де Буагильбер, командор доблестного и досточтимого ордена храмовников, с небольшою свитой

просят оказать им гостеприимство и дать ночлег на пути к месту турнира, назначенного неподалеку от Ашби де ла Зуш на послезавтра.

— Эймер? Приор Эймер? И Бриан де Буагильбер? — бормотал Седрик. — Оба норманны... Но это все равно, норманны они или саксы. Ротервуд не должен отказать им в гостеприимстве. Добро пожаловать, раз пожелали здесь ночевать. Приятнее было бы, если б они проехали дальше. Но неприлично отказать путникам в ужине и ночлеге; впрочем, я надеюсь, что в качестве гостей и норманны будут держать себя поскромнее. Ступай, Гундиберт, — прибавил он, обращаясь к дворецкому, стоявшему за его креслом с белым жезлом в руке. — Возьми с собой полдюжины слуг и проводи приезжих в помещение для гостей. Позаботься об их лошадях и мулах и смотри, чтобы никто из свиты ни в чем не терпел недостатка. Дай им переодеться, если пожелают, разведи огонь, подай воды для омовения, поднеси вина и эля. Поварам скажи, чтобы поскорее прибавили что-нибудь к нашему ужину, и вели подавать на стол, как только гости будут готовы. Скажи им, Гундиберт, что Седрик и сам бы вышел приветствовать их, но не может, потому что дал обет не отходить дальше трех шагов от своего помоста навстречу гостям, если они не принадлежат к саксонскому королевскому дому. Иди. Смотри, чтобы все было как следует: пусть эти гордецы не говорят потом, что грубиян Сакс показал себя жалким скупцом.

Дворецкий и несколько слуг ушли исполнять приказания хозяина, а Седрик обратился к кравчему Освальду и сказал:

— Приор Эймер... Ведь это, если не ошибаюсь, родной брат того самого Жилия де Мольверера, который ныне стал лордом Миддлгемом.

Освальд почтительно наклонил голову в знак согласия.

— Его брат занял замок и отнял земли и владения, принадлежавшие гораздо более высокому роду — роду Уилфгора Миддгемского. А разве все норманнские лорды поступают иначе? Этот приор, говорят, довольно веселый поп и предпочитает кубок с вином и охотничий рог колокольному звону и требнику. Ну да что говорить. Пускай войдет, я приму его с честью. А как ты назвал того, храмовника?

— Бриан де Буагильбер.

— Буагильбер? — повторил в раздумье Седрик, как бы рассуждая сам с собой, как человек, который живет среди подчиненных и привык скорее обращаться к себе самому, чем к другим. — Буагильбер?.. Это имя известное. Много говорят о нем и доброго, и худого. По слухам, это один из храбрейших рыцарей ордена Храма, но он погряз в обычных для них пороках: горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Говорят, что это человек жестокосердый, что он не боится никого ни на земле, ни на небе. Так отзываются о нем те немногие воины, что вернулись из Палестины. А впрочем, он переночует у меня только одну ночь; ничего, милости про-

сим и его. Освальд, начни бочку самого старого вина; подай к столу лучшего меду, самого крепкого эля, самого душистого мората, шипучего сидра, пряного пигмента и налей самые большие кубки! Храмовники и аббаты любят добрые вина и большие кубки. Эльгита, доложи леди Ровене, что мы не станем сегодня ожидать ее выхода к столу, если только на то не будет ее особого желания.

— Сегодня у нее будет особое желание, — отвечала Эльгита без запинки, — последние новости из Палестины ей всегда интересно послушать.

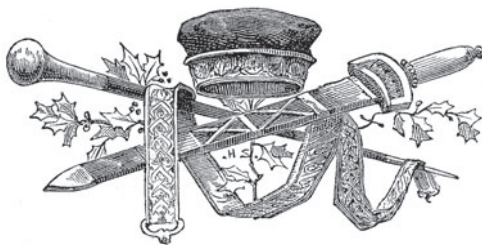
Седрик метнул на бойкую служанку гневный взор. Однако леди Ровена и все, кто ей прислуживал, пользовались особыми привилегиями и были защищены от его гнева. Он сказал только:

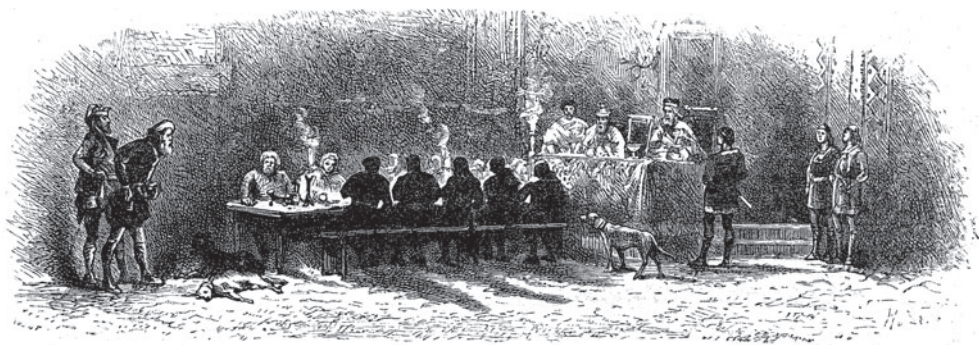
— Придержи язык! Иди передай твоей госпоже мое поручение, и пусть она поступает, как ей угодно. По крайней мере здесь внучка Альфреда может повелевать, как королева.

Эльгита ушла из зала.

— Палестина! — проговорил Сакс. — Палестина... Сколько ушей жадно прислушивается к басням, которые приносят из этой роковой страны распутные крестоносцы и лицемерные пилигримы. И я бы мог спросить, и я бы мог осведомиться и с замирающим сердцем слушать сказки, которые рассказывают эти хитрые бродяги, втираясь в наши дома и пользуясь нашим гостеприимством... Но нет, сын, который меня ослушался, — не сын мне, и я забочусь о его судьбе не более, чем об участи самого недостойного из тех людишек, которые, пришивая себе на плечо крест, предаются распутству и убийствам да еще уверяют, будто так угодно Богу.

Нахмутив брови, он опустил глаза и минуту сидел в таком положении. Когда же он снова поднял взгляд, створчатые двери в противоположном конце зала распахнулись настежь, и, предшествуемые дворецким с жезлом и четырьмя слугами с пылающими факелами, поздние гости вошли в зал.

ГЛАВА IV

Свиной, козлов, баранов кровь текла;
На мрамор туша брошена вола;
Вот мясо делят, жарят на огне,
И свет играет в розовом вине.

.....
Без почестей Одиссей на пир пришел:
Его в сторонке за треногий стол
Царь усадил...

«Одиссея», книга 21

Аббат Эймер воспользовался удобным случаем, чтобы сменить костюм для верховой езды на еще более великолепный, поверх которого надел затейливо вышитую мантию. Кроме массивного золотого перстня, являвшегося знаком его духовного сана, он носил еще множество колец с драгоценными камнями, хотя это и запрещалось монастырским уставом, обувь его была из тончайшего испанского сафьяна, борода подстрижена так коротко, как только допускалось его саном, темя прикрыто алой шапочкой с нарядной вышивкой.

Храмовник тоже переделался — его костюм был также богат, хотя и не так старательно и замысловато украшен, но сам он производил более величественное впечатление, чем его спутник. Он снял кольчугу и вместо нее надел тунику из темно-красной шелковой материи, опушенную мехом, а поверх нее — длинный белоснежный плащ, ниспадавший крупными складками. Восьмиконечный крест его ордена, вырезанный из черно-

го бархата, был нашит на белой мантии. Он снял свою высокую дорогую шапку: густые, черные как смоль кудри, под стать смуглой коже, красиво обрамляли его лоб. Осанка и поступь, полные величавой грации, были бы очень привлекательны, если бы не надменное выражение лица, говорившее о привычке к неограниченной власти.

Вслед за почетными гостями вошли их слуги, а за ними смиренно вступил в зал проводник, в наружности которого не было ничего примечательного, кроме одежды пилигрима. С ног до головы он был закутан в просторный плащ из черной саржи, который напоминал нынешние гусарские плащи с такими же всеячими клапанами вместо рукавов и назывался *склаээн*, или *славянский*. Грубые сандалии, прикрепленные ремнями к обнаженным ногам, широкополая шляпа, обшитая по краям раковинами, окованный железом длинный посох с привязанной к верхнему концу пальмовой ветвью дополняли костюм паломника. Он скромно вошел позади всех и, видя, что у нижнего стола едва найдется место для прислуги Седрика и свиты его гостей, отошел к очагу и сел на скамейку под его навесом. Там он стал сушить свое платье, терпеливо дожидаясь, когда у стола случайно очистится для него место или дворецкий даст ему чего-нибудь поесть тут же у очага.

Седрик с величавой приветливостью встал навстречу гостям, сошел с почетного помоста и, ступив три шага им навстречу, остановился.

— Сожалею, — сказал он, — достопочтенный приор, что данный мною обет воспрещает мне двинуться далее навстречу даже таким гостям, как ваше преподобие и этот доблестный рыцарь-храмовник. Но мой дворецкий должен был объяснить вам причину моей кажущейся невежливости. Прошу вас также извинить, что буду говорить с вами на моем родном языке, и вас попрошу сделать то же, если вы настолько знакомы с ним, что это вас не затруднит; в противном случае я сам настолько разумею по-норманнски, что разберу то, что вы пожелаете мне сказать.

— Обеты, — сказал аббат, — следует соблюдать, почтенный франклин, или, если позволите так выразиться, почтенный тан, хотя этот титул уже несколько устарел. Обеты суть те узы, которые связуют нас с небесами, или те вервии, коими жертва прикрепляется к алтарю; а потому, как я уже сказал, их следует держать и сохранять нерушимо, если только не отменит их святая наша мать-церковь. Что же касается языка, я очень охотно объяснюсь на том наречии, на котором говорила моя покойная бабушка Хильда Миддлгемская, блаженная кончина которой была весьма сходна с кончиною ее достославной тезки, если позволительно так выразиться, блаженной памяти святой и преподобной Хильды в аббатстве Витби — упокой боже ее душу!

Когда приор кончил эту речь, произнесенную с самыми миролюбивыми намерениями, храмовник сказал отрывисто и внушительно:

— Я всегда говорил по-французски, на языке короля Ричарда и его дворян; но понимаю английский язык настолько, что могу объясниться с уроженцем здешней страны.

Седрик метнул на говорившего один из тех нетерпеливых взоров, которыми почти всегда встречал всякое сравнение между нациями-соперницами; но, вспомнив, к чему его обязывали законы гостеприимства, подавил свой гнев и движением руки пригласил гостей сесть на кресла пониже его собственного, но рядом с собою, после чего велел подавать кушанья.

Прислуга бросилась исполнять приказание, и в это время Седрик увидел свинопаса Гурта и его спутника Вамбу, которые только что вошли в зал.

— Позвать сюда этих бездельников! — нетерпеливо крикнул Седрик.

Когда провинившиеся рабы подошли к помосту, он спросил:

— Это что значит, негодяи? Почему ты, Гурт, сегодня так замешкался? Что ж, пригнал ты свое стадо домой, мошенник, или бросил его на поживу бродягам и разбойникам?

— Стадо все цело, как угодно вашей милости, — ответил Гурт.

— Но мне вовсе не угодно, мошенник, — сказал Седрик, — целых два часа проводить в тревоге, представлять себе разные несчастья и придумывать месть соседям за те обиды, которых они мне не причиняли! Помни, что в другой раз колодки и тюрьма будут тебе наказанием за подобный проступок.

Зная вспыльчивый нрав хозяина, Гурт и не пытался оправдываться; но шут, которому многое прощалось, мог рассчитывать на большую терпимость со стороны Седрика и поэтому решился ответить за себя и за товарища:

— Поистине, дядюшка Седрик, ты сегодня совсем не дело говоришь.

— Что такое? — отозвался хозяин. — Я тебя пошлю в сторожку и прикажу выдрать, если ты будешь давать волю своему дурацкому языку!

— А ты сперва ответь мне, мудрый человек, — сказал Вамба, — справедливо и разумно ли наказывать одного за провинности другого?

— Конечно нет, дурак.

— Так что же ты грозишься заковать в кандалы бедного Гурта, дядюшка, за грехи его собаки Фангса? Я готов хоть сейчас присягнуть, что мы ни единой минуты не замешкались в дороге, как только собрали стадо, а Фангс еле-еле успел загнать их к тому времени, когда мы слышали звон к вечерне.

— Стало быть, Фангса и повесить, — поспешно объявил Седрик, обращаясь к Гурту, — он виноват. А себе возьми другую собаку.

— Постой, постой, дядюшка, — сказал шут, — ведь и такое решение, выходит, не совсем справедливо: чем же виноват Фангс, коли он хромает

— Позвать сюда этих бездельников! — нетерпеливо крикнул Седрик.

и не мог быстро собрать стадо? Это вина того, кто обстриг ему когти на передних лапах; если б Фангса спросили, так, верно, бедняга не согласился бы на эту операцию.

— Кто же осмелился так изувечить собаку, принадлежащую моему рабу? — спросил Сакс, мигом приходя в ярость.

— Да вот, старый Губерт ее изувечил, — отвечал Вамба, — начальник охоты у сэра Филиппа Мальвуазена. Он поймал Фангса в лесу и заявил, будто тот гонялся за оленем. А это, видишь ли, запрещено хозяином. А сам он лесной сторож, так вот...

— Черт бы побрал этого Мальвуазена, да и его сторожа! — воскликнул Седрик. — Я им докажу, что этот лес не входит в число охотничьих заповедников, установленных великой лесной хартией... Но довольно об этом. Ступай, плут, садись на свое место. А ты, Гурт, достань себе другую собаку, и если этот сторож осмелится тронуть ее, я его отучу стрелять из лука. Будь я проклят, как трус, если не отрублю ему большого пальца на правой руке! Тогда он перестанет стрелять... Прошу извинить, почтенные гости. Мои соседи не лучше ваших язычников в Святой земле, сэр рыцарь. Однако ваша скромная трапеза уже перед вами. Прошу откусать, и пусть добрые пожелания, с какими предлагаются вам эти яства, вознаградят вас за их скромность.

Угощение, расставленное на столах, не нуждалось, однако, в извинениях хозяина дома. На нижний стол было подано свиное мясо, приготовленное различными способами, а также множество кушаний из домашней птицы, оленины, козлятины, зайцев и рыбы, не говоря уже о больших каравах хлеба, печенье и всевозможных сластях, варенных из ягод и меда. Мелкие сорта дичи, которой было также большое количество, подавались не на блюдах, а на деревянных спицах или вертелах. Пажи и прислуга предлагали их каждому из гостей по порядку; гости уже сами брали себе столько, сколько им хотелось. Возле каждого почетного гостя стоял серебряный кубок; на нижнем столе пили из больших рогов.

Только что собрались приняться за еду, как дворецкий поднял жезл и громко произнес:

— Прошу прощения — место леди Ровене!

Позади почетного стола, в верхнем конце зала, отворилась боковая дверь, и на помост взшла леди Ровена в сопровождении четырех прислужниц.

Седрик был удивлен и недоволен тем, что его воспитанница по такому случаю появилась на людях, тем не менее он поспешил ей навстречу и, взяв за руку, с почтительной торжественностью подвел к предназначенному для хозяйки дома креслу на возвышении, по правую руку от своего места. Все встали при ее появлении: ответив безмолвным поклоном на

эту любезность, она грациозно проследовала к своему месту за столом. Не успела она сесть, как храмовник шепнул аббату:

— Не носить мне вашей золотой цепи на турнире, а хиосское вино принадлежит вам!

— А что я вам говорил? — ответил аббат. — Но умерьте свои восторги — франклин наблюдает за вами.

Бриан де Буагильбер, привыкший считаться только со своими желаниями, не обратил внимания на это предостережение и впился глазами в саксонскую красавицу, которая, вероятно, тем более поразила его, что ничем не была похожа на восточных султанш.

Ровена была прекрасно сложена и высока ростом, но не настолько высока, однако ж, чтобы это бросалось в глаза. Цвет ее кожи отличался ослепительной белизной, а благородные очертания головы и лица были таковы, что исключали мысль о бесцветности, часто сопровождающей красоту слишком белокожих блондинок. Ясные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели из-под тонких бровей каштанового цвета, придававших выразительность ее лбу. Казалось, глаза эти были способны как воспламенять, так и умиротворять, как повелевать, так и умолять. Кроткое выражение больше всего шло к ее лицу. Однако привычка

ко всеобщему поклонению и к власти над окружающими придала этой саксонской девушке особую величавость, дополняя то, что дала ей природа. Густые волосы светло-русого оттенка, завитые изящными локонами, были украшены драгоценными камнями и свободно падали на плечи, что в то время было признаком благородного происхождения. На шее у нее висела золотая цепочка с подвешенным к ней маленьким золотым ковчегом. На обнаженных руках сверкали браслеты. Поверх ее шелкового платья цвета морской воды было накинуто другое, длинное и простое, ниспадавшее до самой земли, с очень широкими рукавами, доходившими только до локтей. К этому платью пунцового цвета, сотканному из самой тонкой шерсти, была прикреплена легкая шелковая вуаль с золотым узором. Эту вуаль при желании можно было накинуть на лицо и грудь, на испанский лад, или набросить на плечи.

Когда Ровена заметила устремленные на нее глаза храмовника с загоревшимися в них, словно искры на углях, огоньками, она с чувством собственного достоинства опустила покрывало на лицо в знак того, что столь пристальный взгляд ей неприятен. Седрик увидел ее движение и угадал его причину.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — лица наших саксонских девушек видят так мало солнечных лучей, что не могут выдержать пристальный взгляд крестоносца.

— Если я провинился, — отвечал сэр Бриан, — прошу у вас прощения, то есть прошу леди Ровену простить меня; далее этого не может идти мое смирение.

— Леди Ровена, — сказал аббат, — желая покарать смелость моего друга, наказала всех нас. Надеюсь, что она не будет столь жестока к тому блестящему обществу, которое мы встретим на турнире.

— Я еще не знаю, отправимся ли мы на турнир, — сказал Седрик. — Я не охотник до этих суетных забав, которые были неизвестны моим предкам в ту пору, когда Англия была свободна.

— Тем не менее, — сказал приор, — позвольте нам надеяться, что в сопровождении нашего отряда вы решитесь туда отправиться. Когда дороги так небезопасны, не следует пренебрегать присутствием сэра Бриана де Буагильбера.

— Сэр приор, — отвечал Сакс, — где бы я ни путешествовал в этой стране, до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, помимо собственного доброго меча и верных слуг. К тому же, если мы надумаем поехать в Ашби де ла Зуш, нас будет сопровождать мой благородный сосед Ательстан Конингсбургский с такой свитой, что нам не придется бояться ни разбойников, ни феодалов. Поднимаю этот бокал за ваше здоровье, сэр приор — надеюсь, что вино мое вам по вкусу, — и благодарю вас за любезность. Если же вы так строго придерживаетесь монастырского устава, —

прибавил он, — что предпочитаете пить кислое молоко, надеюсь, что вы не будете стесняться и не станете пить вино из одной только вежливости.

— Нет, — возразил приор, рассмеявшись, — мы ведь только в стенах монастыря довольствуемся свежим или кислым молоком, в миру же мы поступаем как миряне; поэтому я отвечу на ваш любезный тост, подняв кубок этого честного вина, а менее крепкие напитки предоставляю моему послушнику.

— А я, — сказал храмовник, наполняя свой бокал, — пью за здоровье прекрасной Ровены. С того дня как ваша тезка вступила в пределы Англии, эта страна не знала женщины, более достойной поклонения. Клянусь небом, я понимаю теперь несчастного Вортигерна! Будь перед ним хотя бы бледное подобие той красоты, которую мы видим, и то этого было бы достаточно, чтобы забыть о своей чести и царстве.

— Я не хотела бы, чтобы вы расточали столько любезностей, сэр рыцарь, — сказала Ровена с достоинством и не поднимая покрывала, — лучше я воспользуюсь вашей учтивостью, чтобы попросить вас сообщить нам последние новости о Палестине, так как это предмет, более приятный для нашего английского слуха, нежели все комплименты, внушаемые вам вашим французским воспитанием.

— Немного могу сообщить вам интересного, леди, — отвечал Бриан де Буагильбер. — Могу лишь подтвердить слухи о том, что с Саладином заключено перемирие.

Его речь была прервана Вамбой. Шут пристроился шагах в двух позади кресла хозяина, который время от времени бросал ему подачки со своей тарелки. Впрочем, такой же милостью пользовались и любимые собаки, которых, как мы уже видели, в зале было довольно много. Вамба сидел перед маленьким столиком на стуле с вырезанными на спинке ослиными ушами. Подсунув пятки под перекладину своего стула, он так втянул щеки, что его челюсти стали похожи на щипцы для орехов, и наполовину зажмурил глаза, что не мешало ему ко всему прислушиваться, чтобы не упустить случая совершить одну из тех проделок, которые ему разрешались.

— Уж эти мне перемирия! — воскликнул он, не обращая внимания на то, что внезапно перебил речь величавого храмовника. — Они меня совсем состарили!

— Как, плут? Что это значит? — сказал Седрик, с явным удовольствием ожидая, какую шутку выкинет шут.

— А то как же, — отвечал Вамба. — На моем веку было уже три таких перемирия, и каждое — на пятьдесят лет. Стало быть, выходит, что мне полтора ста лет.

— Ну, я ручаюсь, что ты умрешь не от старости, — сказал храмовник, узнавший в нем своего лесного знакомца. — Тебе на роду написано уме-

реть насильственной смертью, если ты будешь так показывать дорогу проезжим, как сегодня приору и мне.

— Как так, мошенник? — воскликнул Седрик. — Сбивать с дороги проезжих! Надо будет тебя постегать: ты, значит, такой же плут, как и дурак.

— Сделай милость, дядюшка, — сказал шут, — на этот раз позволь моей глупости заступиться за мое плутовство. Я только тем и провинился, что перепутал, которая у меня правая рука, а которая левая. А тому, кто спрашивает у дурака совета и указания, надо быть понисходительнее.

Разговор был прерван появлением слуги, которого привратник прислал доложить, что у ворот стоит странник и умоляет впустить его на ночлег.

— Впустить его, — сказал Седрик, — кто бы он ни был, все равно. В такую ночь, когда гроза бушует на дворе, даже дикие звери жмутся к стадам и ищут покровительства у своего смертельного врага — человека, лишь бы не погибнуть от расходившихся стихий. Дайте ему все, в чем он нуждается. Освальд, присмотри за этим хорошенько.

Кравчий тотчас вышел из зала и отправился исполнять приказания хозяина.

ГЛАВА V

Разве у евреев нет глаз? Разве у них нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина?

«Венецианский купец»

Освальд воротился и, наклонившись к уху своего хозяина, прошептал:

— Это еврей, он назвал себя Исааком из Йорка. Хорошо ли будет, если я приведу его сюда?

— Пускай Гурт исполняет твои обязанности, Освальд, — сказал Вамба с обычной наглостью. — Свинопас как раз подходящий церемониймейстер для еврея.

— Пресвятая Мария, — молвил аббат, осеняя себя крестным знамением, — допускать еврея в такое общество!

— Как! — отозвался храмовник. — Чтобы собака еврей приблизилась к защитнику Святого гроба!

— Вишь ты, — сказал Вамба, — значит, храмовники любят только еврейские денежки, а компании их не любят!

— Что делать, почтенные гости, — сказал Седрик, — я не могу нарушить законы гостеприимства, чтобы угодить вам. Если Господь Бог тер-

пит долгие века целый народ упорных еретиков, можно и нам потерпеть одного еврея в течение нескольких часов. Но я никого не стану принуждать общаться с ним или есть вместе с ним. Дайте ему отдельный столик и покормите особо. А впрочем, — прибавил он, улыбаясь, — быть может, вон те чужеземцы в чалмах примут его в свою компанию?

— Сэр франклин, — отвечал храмовник, — мои сарацинские невольники — добрые мусульмане и презирают евреев ничуть не меньше, чем христиане.

— Клянусь, уж я не знаю, — вмешался Вамба, — чем поклонники Махмуда и Термаганта лучше этого народа, когда-то избранного самим Богом!

— Ну, пусть он сядет рядом с тобой, Вамба, — сказал Седрик. — Дурак и плут — хорошая пара.

— А дурак сумеет по-своему отделаться от плута, — сказал Вамба, потрясая в воздухе костью от свиного окорока.

— Тсс!.. Вот он идет, — сказал Седрик.

Впущенный без всяких церемоний, в зал боязливой и нерешительной поступью вошел худощавый старик высокого роста; он на каждом шагу отвешивал смиренные поклоны и казался ниже, чем был на самом деле, от привычки держаться в согбенном положении. Черты его лица были тонкие и правильные; орлиный нос, пронизательные черные глаза, вы-

сокий лоб, изборожденный морщинами, длинные седые волосы и большая борода могли бы производить благоприятное впечатление, если бы не так резко изобличали его принадлежность к племени, которое в те темные века было предметом отвращения для суеверных и невежественных простолюдинов, а со стороны корыстного и жадного дворянства подвергалось самому лютому преследованию.

Одежда еврея, значительно пострадавшая от непогоды, состояла из простого бурого плаща и темно-красного хитона. На нем были большие сапоги, отороченные мехом, и широкий пояс, за который были заткнуты небольшой ножик и коробка с письменными принадлежностями. На голове у него была высокая четырехугольная желтая шапка особого фасона: закон повелевал евреям носить их в знак отличия от христиан. При входе в зал он смиренно снял шапку.

Прием, оказанный этому человеку под кровом Седрика Сакса, удовлетворял бы требованиям самого ярого противника израильского племени. Сам Седрик в ответ на многократные поклоны еврея только кивнул головой и указал ему на нижний конец стола. Однако там никто не потеснился, чтобы дать ему место. Когда он проходил вдоль ряда ужинавших, бросая робкие и умоляющие взгляды на каждого из сидевших за нижним концом стола, слуги-саксы нарочно расставляли локти и, приподняв плечи, продолжали поглощать свой ужин, не обращая ни малейшего внимания на нового гостя. Монастырская прислуга крестилась, оглядываясь на него с благочестивым ужасом; даже сарацины, когда Исаак проходил мимо них, начали гневно крутить усы и хвататься за кинжалы, готовые самыми отчаянными мерами предотвратить его приближение.

Очень вероятно, что по тем же причинам, которые побудили Седрика принять под свой кров потомка отверженного народа, он настоял бы и на том, чтобы его люди обошлись с Исааком учтивее, но как раз в ту пору аббат завел с ним такой интересный разговор о породах и повадках его любимых собак, что Седрик никогда не прервал бы его и для более важного дела, чем для подобного.

Исаак стоял в стороне от всех, тщетно ожидая, не найдется ли для него местечка, где бы он мог присесть и отдохнуть. Наконец пилигрим, сидевший на скамье у камина, сжалился над ним, встал с места и сказал:

— Старик, моя одежда просохла, я уже сыт, а ты промок и голоден.

Сказав это, он сгреб на середину широкого очага разбросанные и потухавшие поленья и раздул яркое пламя; потом пошел к столу, взял чашку горячей похлебки с козленком, отнес ее на столик, у которого сам ужинал, и, не дожидаясь изъявлений благодарности со стороны еврея, направился в противоположный конец зала: быть может, он не желал дальнейшего общения с тем, кому услужил, а может быть, ему просто захотелось стать поближе к почетному помосту.

Если бы в те времена существовали живописцы, способные передать подобный сюжет, фигура этого еврея, склонившегося перед огнем и согревающего над ним свои окоченевшие и дрожащие руки, могла бы послужить им хорошей натурой для изображения зимнего времени года. Несколько отогревшись, он с жадностью принялся за дымящуюся похлебку и ел так поспешно и с таким явным наслаждением, словно давно не отвеживал пищи.

Тем временем аббат продолжал разговаривать с Седриком об охоте; леди Ровена углубилась в беседу с одной из своих прислужниц, а надменный рыцарь Храма, поглядывая то на еврея, то на саксонскую красавицу, задумался о чем-то, по-видимому очень для него интересном.

— Дивлюсь я вам, достопочтенный Седрик, — говорил аббат. — Неужели же вы при всей вашей большой любви к мужественной речи вашей

родины не хотите признать превосходство норманно-французского языка во всем, что касается охотничьего искусства? Ведь ни в одном языке не найти такого обилия специальных выражений для охоты в поле и в лесу.

— Добрейший отец Эймер, — возразил Седрик, — да будет вам известно, что я вовсе не гонюсь за всеми этими заморскими тонкостями; я и без них очень приятно провожу время в лесах. Трубить в рог я умею, хоть не называю звук рога *geseat* или *mort*¹, умею натравить собак на зверя, знаю, как лучше содрать с него шкуру и как его распластать, и отлично обхожусь без этих новомодных словечек: *curée*, *arbor*, *pomblés*² и прочей болтовни в духе сказочного сэра Тристрама.

— Французский язык, — сказал храмовник со свойственной ему при всех случаях жизни надменной заносчивостью, — единственный приличный не только на охоте, но и в любви, и на войне. На этом языке следует завоевывать сердца дам и побеждать врагов.

— Выпьем-ка с вами по стакану вина, сэр рыцарь, — сказал Седрик, — да кстати и аббату налейте! А я тем временем расскажу вам о том, что было лет тридцать тому назад. Тогда простая английская речь Седрика Сакса была приятна для слуха красавиц, хотя в ней и не было выкрутасов французских трубадуров. Когда мы сражались на полях Норталлертона, боевой клич сакса был слышен в рядах шотландского войска не хуже *si de guerre*³ храбрейшего из норманнских баронов. Помянем бокалом вина доблестных бойцов, бившихся там. Выпейте вместе со мною, мои гости.

Он выпил свой стакан разом и продолжал с возрастающим увлечением:

— Сколько щитов было порублено в тот день! Сотни знамен развевались над головами храбрецов. Кровь лилась рекой, а смерть казалась всем краше бегства. Саксонский бард прозвал этот день праздником мечей, слетом орлов на добычу; удары секир и мечей по шлемам и щитам врагов, шум битвы и боевые клики казались певцу веселее свадебных песен. Но нет у нас бардов. Наши подвиги стерты деяниями другого народа, наш язык, самые наши имена скоро предадут забвению. И никто не пожалеет об этом, кроме меня, одинокого старика... Кравчий, бездельник, наполняй кубки! За здоровье храбрых в бою, сэр рыцарь, к какому бы племени они ни принадлежали, на каком бы языке ни говорили! За тех, кто доблестнее всех воюет в Палестине в рядах защитников креста!

---

¹ *Geseat* (от *старофранц.* *gacheter* — созывать) — сигнал для созывания охотничьих собак в начале или в конце охоты; *mort* (от *франц.* *mort* — смерть) — сигнал охотничьего рога, означающий смерть затравленной добычи.

² Французские охотничьи термины.

³ боевого клича (*франц.*).

— Я сам ношу знамение креста, и мне не пристало говорить об этом, — сказал Бриан де Буагильбер, — но кому же другому отдать пальму первенства среди крестоносцев, как не рыцарям Храма — верным стражам Гроба Господня!

— Иоаннитам, — сказал аббат. — Мой брат вступил в этот орден.

— Я и не думаю оспаривать их славу, — сказал храмовник, — но...

— А знаешь, дядюшка Седрик, — вмешался Вамба, — если бы Ричард Львиное Сердце был поумнее да послушался меня, дурака, сидел бы он лучше дома со своими веселыми англичанами, а Иерусалим предоставил бы освобождать тем самым рыцарям, которые его сдали.

— Разве в английском войске никого не было, — сказала вдруг леди Ровена, — чье имя было бы достойно стать наряду с именами рыцарей Храма и иоаннитов?

— Простите меня, леди, — отвечал де Буагильбер, — английский король привел с собой в Палестину толпу храбрых воинов, которые уступали в доблести только тем, кто своею грудью непрерывно защищал Святую землю.

— Никому они не уступали, — сказал пилигрим, который стоял поблизости и все время с заметным нетерпением прислушивался к разговору.

Все взоры обратились в ту сторону, откуда раздалось это неожиданное утверждение.

— Я заявляю, — продолжал пилигрим твердым и сильным голосом, — что английские рыцари не уступали никому из обнажавших меч на защиту Святой земли. Кроме того скажу, что сам король Ричард и пятеро из его рыцарей после взятия крепости Сен-Жан д'Акр дали турнир и вызвали на бой всех желающих. Я сам видел это, потому и говорю. В тот день каждый из рыцарей трижды выезжал на арену и всякий раз одерживал победу. Прибавлю, что из числа их противников семеро принадлежали к ордену рыцарей Храма. Сэру Бриану де Буагильберу это очень хорошо известно, и он может подтвердить мои слова.

Невозможно описать тот неистовый гнев, который мгновенно вспыхнул на еще более потемневшем лице смуглого храмовника. Разгневанный и смущенный, схватился он дрожащими пальцами за рукоять меча, но не обнажил его, вероятно сознавая, что расправа не пройдет безнаказанно в таком месте и при таких свидетелях. Но простой и прямодушный Седрик, который не привык одновременно заниматься различными делами, так обрадовался известиям о доблести соплеменников, что не заметил злобы и растерянности своего гостя.

— Я бы охотно отдал тебе этот золотой браслет, пилигрим, — сказал он, — если бы ты перечислил имена тех рыцарей, которые так благородно поддержали славу нашей веселой Англии.

— С радостью назову их по именам, — отвечал пилигрим, — и никакого подарка мне не надо: я дал обет некоторое время не прикасаться к золоту.

— Хочешь, друг пилигрим, я за тебя буду носить этот браслет? — сказал Вамба.

— Первым по доблести и воинскому искусству, по славе и по положению, им занимаемому, — начал пилигрим, — был храбрый Ричард, король Англии.

— Я его прощаю! — воскликнул Седрик. — Прощаю то, что он потомок тирана, герцога Вильгельма.

— Вторым был граф Лестер, — продолжал пилигрим, — а третьим — сэр Томас Малтон из Гилсленда.

— О, это сакс! — с восхищением сказал Седрик.

— Четвертый — сэр Фолк Дойли, — молвил пилигрим.

— Тоже сакс, по крайней мере с материнской стороны, — сказал Седрик, с величайшей жадностью ловивший каждое его слово. Охваченный восторгом по случаю победы английского короля и сородичей-островитян, он почти забыл свою ненависть к норманнам. — Ну а кто же был пятый? — спросил он.

— Пятый был сэр Эдвин Торнхем.

— Чистокровный сакс, клянусь душой Хенгиста! — крикнул Седрик. — А шестой? Как звали шестого?

— Шестой, — отвечал пилигрим, немного помолчав и как бы собираясь с мыслями, — был совсем юный рыцарь, малоизвестный и менее знатный; его приняли в это почетное товарищество не столько ради его доблести, сколько для круглого счета. Имя его стерлось из моей памяти.

— Сэр пилигрим, — сказал Бриан де Буагильбер с пренебрежением, — такая притворная забывчивость после того, как вы успели припомнить так много, не достигнет цели. Я сам назову имя рыцаря, которому из-за несчастной случайности — по вине моей лошади — удалось выбить меня из седла. Его звали рыцарь Айвенго; несмотря на его молодость, ни один из его соратников не превзошел Айвенго в искусстве владеть оружием. И я громко, при всех, заявляю, что, будь он в Англии и пожелай он на предстоящем турнире повторить тот вызов, который послал мне в Сен-Жан д'Акре, я готов сразиться с ним, предоставив ему выбор оружия. При том коне и вооружении, которым я теперь располагаю, я отвечаю за исход поединка.

— Ваш вызов был бы немедленно принят, — отвечал пилигрим, — если бы ваш противник здесь присутствовал. А при настоящих обстоятельствах не подобает нарушать покой этого мирного дома, похваляясь победою в поединке, который едва ли может состояться. Но если Айвенго когда-либо вернется из Палестины, я вам ручаюсь, что он будет драться с вами.

— Хороша порука! — возразил храмовник. — А какой залог вы мне можете предложить?

— Этот ковчег, — сказал пилигрим, вынув из-под плаща маленький ящик из слоновой кости и творя крестное знамение. — В нем хранится частица настоящего Креста Господня, привезенная из Монт-Кармельского монастыря.

Приор аббатства Жорво тоже перекрестился и набожно стал читать вслух «Отче наш». Все последовали его примеру, за исключением еврея,

мусульман и храмовника. Не обнаруживая никакого почтения к святыне, храмовник снял с шеи золотую цепь, швырнул ее на стол и сказал:

— Прошу аббата Эймера принять на хранение мой залог и залог этого безымянного странника в знак того, что, когда рыцарь Айвенго вступит на землю, омываемую четырьмя морями Британии, он будет вызван на бой с Брианом де Буагильбером. Если же означенный рыцарь не ответит на этот вызов, он будет провозглашен мною трусом с высоты стен каждого из существующих в Европе командорств ордена храмовников.

— Этого не случится, — вмешалась леди Ровена, прерывая свое продолжительное молчание. — За отсутствующего Айвенго скажу я, если никто в этом доме не желает за него вступиться. Я заявляю, что он примет любой вызов на честный бой. Если бы моя слабая порука могла повысить значение бесценного залога, представленного этим праведным странником, я бы поручилась своим именем и доброй славой, что Айвенго даст этому гордому рыцарю желаемое удовлетворение.

В душе Седрика поднялся такой вихрь противоречивых чувств, что он не в состоянии был проронить ни слова во время этого спора. Радостная гордость, гнев, смущение сменялись на его открытом и честном лице, точно тени от облаков, пробегающих над сжатым полем. Домашние слуги, на которых имя Айвенго произвело впечатление электрической искры, затаив дыхание ждали, что будет дальше, не спуская глаз с хозяина. Но когда заговорила Ровена, ее голос как будто заставил Седрика очнуться и прервать молчание.

— Леди Ровена, — сказал он, — это излишне. Если бы понадобился еще залог, я сам, несмотря на то что Айвенго жестоко оскорбил меня, готов своей собственной честью поручиться за его честь. Но, кажется, предложенных залогов и так достаточно — даже по модному уставу норманнского рыцарства. Так ли я говорю, отец Эймер?

— Совершенно верно, — подтвердил приор, — ковчег со святыней и эту богатую цепь я отвезу в наш монастырь и буду хранить в ризнице до тех пор, пока это дело не получит должного исхода.

Он еще несколько раз перекрестился, бормоча молитвы и совершая многократные коленопреклонения, и передал ковчег в руки сопровождавшего его монаха — брата Амвросия; потом, уже без всякой церемонии, но, может быть, с не меньшим удовольствием, сгреб со стола золотую цепь и опустил ее в надушенную сафьяновую сумку, висевшую у него на поясе.

— Ну, сэр Седрик, — сказал аббат, — ваше доброе вино так крепко, что у меня в ушах уже звонят к вечерне. Позвольте нам еще раз выпить за здоровье леди Ровены, да и отпустите нас на отдых.

— Клянусь бромхольским крестом, — сказал Сакс, — вы плохо поддерживаете свою добрую славу, сэр приор. Молва отзывается о вас как об исправном монахе: говорят, будто вы только тогда отрываетесь от доброго вина, когда зазвонят к заутрене, и я на старости лет боялся осрамиться, состязаясь с вами. Клянусь честью, в мое время двенадцатилетний мальчишка-сакс дольше вашего просидел бы за столом.

Однако у приора были причины настойчиво придерживаться на этот раз правил умеренности. Он не только по своему званию был присяжным миротворцем, но и на деле терпеть не мог всяких ссор и столкновений. Это происходило, впрочем, не от любви к ближнему или к самому себе; он опасался вспыльчивости старого сакса и предвидел, что запальчивое выскомерие храмовника, уже не раз прорывавшееся наружу, в конце концов вызовет весьма неприятную ссору. Поэтому он стал распространяться о том, что по части выпивки ни один народ не может сравниться с крепкоголовыми и выносливыми саксами, намекнув даже, как бы мимоходом, на святость своего сана, и закончил настойчивой просьбой позволить удалиться на покой.

Вслед за тем прощальный кубок обошел круг. Гости, низко поклонившись хозяину и леди Ровене, встали и разбрелись по залу, а хозяева в сопровождении ближайших слуг удалились в свои покои.

— Нечестивый пес, — сказал храмовник еврею Исааку, проходя мимо него, — так ты тоже пробираешься на турнир?

— Да, собираюсь, — отвечал Исаак, смиренно кланяясь, — если угодно будет вашей досточтимой доблести.

— Как же, — сказал рыцарь, — затем и идешь, чтобы своим лихоимством вытянуть все жилы из дворян, а женщин и мальчишек разорять красивыми безделушками. Готов поручиться, что твой кошелек битком набит шекелями.

— Ни одного шекеля, ни единого серебряного пенни, ни полушки нет, клянусь богом Авраама! — сказал еврей, всплеснув руками. — Я иду просить помощи у собратий для уплаты налога, который взыскивает с меня палата еврейского казначейства. Да ниспошлет мне удачу праотец Иаков. Я совсем разорился. Даже плащ, что я ношу, ссудил мне Рейбен из Тадкастера.

Храмовник желчно усмехнулся и проговорил:

— Проклятый лгун!

С этими словами он отошел от еврея и, обратившись к своим мусульманским невольникам, сказал им что-то на языке, не известном никому из присутствующих.

Бедный старик был так ошеломлен обращением к нему воинственного монаха, что тот успел уже отойти на другой конец зала, прежде чем бедняга решился поднять голову и изменить свою униженную позу. Когда

же он наконец выпрямился и оглянулся, лицо его выражало изумление человека, только что ослепленного молнией и оглушенного громом.

Вскоре храмовник и аббат отправились в отведенные им спальни. Провожали их дворецкий и кравчий. При каждом из них шло по два прислужника с факелами, а еще двое несли на подносах прохладительные напитки; в то же время другие слуги указывали свите храмовника и приора и остальным гостям места, где для них был приготовлен ночлег.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I</i>	5
<i>Глава II</i>	14
<i>Глава III</i>	27
<i>Глава IV</i>	34
<i>Глава V</i>	43
<i>Глава VI</i>	53
<i>Глава VII</i>	67
<i>Глава VIII</i>	79
<i>Глава IX</i>	90
<i>Глава X</i>	99
<i>Глава XI</i>	110
<i>Глава XII</i>	118
<i>Глава XIII</i>	129
<i>Глава XIV</i>	140
<i>Глава XV</i>	149
<i>Глава XVI</i>	155
<i>Глава XVII</i>	166
<i>Глава XVIII</i>	172
<i>Глава XIX</i>	180
<i>Глава XX</i>	188
<i>Глава XXI</i>	196
<i>Глава XXII</i>	205
<i>Глава XXIII</i>	215
<i>Глава XXIV</i>	223
<i>Глава XXV</i>	235
<i>Глава XXVI</i>	243
<i>Глава XXVII</i>	250
<i>Глава XXVIII</i>	268
<i>Глава XXIX</i>	281
<i>Глава XXX</i>	293
<i>Глава XXXI</i>	302
<i>Глава XXXII</i>	316
<i>Глава XXXIII</i>	331
<i>Глава XXXIV</i>	345
<i>Глава XXXV</i>	354
<i>Глава XXXVI</i>	367
<i>Глава XXXVII</i>	376
<i>Глава XXXVIII</i>	389
<i>Глава XXXIX</i>	398
<i>Глава XL</i>	411
<i>Глава XLI</i>	429
<i>Глава XLII</i>	439
<i>Глава XLIII</i>	452
<i>Глава XLIV</i>	465